

**Эрих Ремарк
Триумфальная арка**

Возвращение с Западного фронта –

<https://litres.ru/26112223>

«Эрих Мария Ремарк. Триумфальная арка»: АСТ; Москва; 2017

ISBN 978-5-17-087193-3

Оригинал:Erich Maria Remarque, “ARC DE TRIOMPHE”

Перевод: Михаил Львович Рудницкий

Аннотация

<р>Место действия – Париж накануне Второй мировой войны.</р> <р>Герой – хирург, спасающий человеческие жизни, беженец из Германии, без документов, скрывающийся и от французов, и от нацистов.</р> <р>Героиня – итальянская актриса, окруженная поклонниками, неотразимая и вспыльчивая, как все артисты.</р> <р>И время, когда влюбленным довелось встретиться, и город, пронизанный ощущением надвигающейся катастрофы, также становятся героями этого романа...</р> <р>Это история любви наперекор всему, любви, пусть и причиняющей боль, но и дарующей бесконечную радость.</р>

Эрих Мария Ремарк Триумфальная арка

© The Estate of the Late Paulette Remarque, 1945

© Перевод. М. Л. Рудницкий, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

1

Женщина появилась откуда-то сбоку и шла прямо на Равича. Шла быстро, но неуверенным, шатким шагом. Равич ее заметил, когда она уже почти поравнялась с ним. Лицо бледное, высокие скулы, глаза вразлет. Застывшее, опрокинутое лицо-маска, а в глазах тусклым отблеском фонаря мелькнуло выражение такой стеклянной пустоты, что Равич невольно насторожился.

Женщина прошла совсем близко, едва не задев Равича. Он резко вытянул руку и схватил незнакомку за локоть. Та пошатнулась и неминуемо бы упала, не поддержи он ее. Но он держал крепко.

– Куда это вы? – спросил он, чуть помедлив.

Женщина смотрела на него в упор.

– Отпустите меня, – прошептала она.

Равич не ответил. И продолжал крепко удерживать незнакомку.

– Да отпустите же! Что это значит? – Она едва шевелила губами.

Равичу показалось, что она вообще его не видит. Женщина смотрела куда-то мимо и сквозь него, устремив глаза в непроглядную ночную темень. Он был всего лишь помехой у нее на пути, и именно так она к нему и обращалась.

– Да пустите же!

Он сразу определил: нет, не шлюха. И не пьяная. Он чуть ослабил хватку. Теперь женщина при желании легко могла освободиться, но она этого даже не заметила. Равич все еще ждал.

– Нет, без шуток, куда это вы среди ночи, одна, в такое время, в Париже? – повторил он свой вопрос как можно спокойнее, выпуская наконец ее руку.

Незнакомка молчала. Но и не уходила. Казалось, теперь, когда ее остановили, она уже не в силах сделать ни шагу.

Равич прислонился к парапету моста, ощущив под ладонями сырой, пористый камень.

– Уж не туда ли? – Он кивнул себе за спину, где, поблескивая тягучим свинцом, лениво и тяжело протискивалась под тень Альмского моста неостановимая Сена.

Женщина не отвечала.

– Рановато еще, – бросил Равич. – Рановато, да и холодно. Ноябрь как-никак.

Он достал сигареты и пошарил в кармане, нащупывая спички. Наконец нашел, понял на ощупь, что спичек в картонке осталось всего две штуки, и привычно ссгутился, укрывая пламя в ладонях, – от реки тянуло легким ветерком.

– Дайте и мне сигарету, – проронила незнакомка ровным, без выражения, голосом.

Равич поднял голову, потом показал ей пачку.

– Алжирские. Черный табак. Курево иностранного легиона. Вам, наверно, крепковаты будут. А других у меня нет.

Женщина качнула головой и взяла сигарету. Равич протянул ей горящую спичку. Курила она жадно, глубокими затяжками. Равич бросил спичку через парапет. Спичка прорезала тьму яркой падучей звездочкой и, коснувшись воды, погасла.

По мосту на малой скорости проползло такси. Шофер притормозил. Он посмотрел на них, подождал немного, потом резко газанул и покатил дальше по мокрой, лоснящейся, черной мостовой проспекта Георга Пятого.

Равич вдруг почувствовал, что устал до смерти. Весь день работал как проклятый, а потом никак заснуть не мог. Потому и вышел – захотелось чего-нибудь выпить. Но сейчас, в промозглой ночной мгле, усталость навалилась внезапно – будто ему мешок на голову набросили.

Он смотрел на незнакомку. Какого черта он ее остановил? Ясное дело, с ней что-то стряслось. Но ему-то что? Мало ли он женщин повидал, с которыми что-то стряслось, а уж среди ночи в Париже и подавно, и сейчас ему все это было безразлично, хотелось только одного – соснуть на пару часов.

– Шли бы вы домой, – сказал он. – В такое время – ну что вы на улице потеряли? Ничего хорошего, кроме неприятностей, вы тут не найдете.

И поднял воротник, твердо намереваясь уйти.

Женщина смотрела на него непонимающим взглядом.

– Домой? – переспросила она.

Равич пожал плечами:

– Ну да, домой, в свою квартиру или в гостиницу, куда угодно. Вы же не хотите заночевать в полиции?

– В гостиницу! О господи! – пробормотала женщина.

Равич обернулся. Еще одна неприкаянная душа, которой некуда податься, подумал он. Уж пора бы привыкнуть. Вечно одно и то же. Ночью они не знают, куда податься, а наутро, не успеешь глаза прорвать, их уже и след простыл. Утром-то они прекрасно знают, куда им надо и что к чему. Старое, как мир, заурядное ночное отчаяние – накатывает вместе с темнотой и с ней же исчезает. Он выбросил окурок. Как будто сам он с лихвой всего этого не нахлебался.

– Пойдемте пропустим где-нибудь по рюмочке, – предложил он.

Это самое простое. Он расплатится и уйдет, а уж там пусть сама решает, как ей быть и что делать.

Женщина неуверенно двинулась вперед, но, споткнувшись, пошатнулась. Равич подхватил ее под руку.

– Устали? – спросил он.

– Не знаю. Пожалуй.

– До того устали, что не можете заснуть?

Она кивнула.

– Бывает. Пойдемте. Держитесь за меня.

Они пошли по проспекту Марсо. Равич чувствовал: незнакомка опирается на него так, словно вот-вот упадет.

Они свернули на проспект Петра Сербского. За перекрестком с улицей Шайо в убегающей перспективе между домами темной и зыбкой громадой на фоне дождливого неба

воздвиглись очертания Триумфальной арки¹.

Равич кивнул в сторону вывески, что светилась над узкой подвальной лестницей:

– Нам сюда, тут наверняка что-нибудь найдется.

Это был шоферской кабак. За столиками несколько таксистов и пара-тройка шлюх. Таксисты резались в карты. Шлюхи потягивали абсент. Они, как по команде, хватким профессиональным взглядом смерили его спутницу. После чего равнодушно отвернулись. Та, что постарше, громко зевнула; другая начала лениво накрашиваться. В глубине совсем молоденький официант с лицом обиженного крысенка сыпал на каменные плиты опилок и принялся подметать пол. Равич выбрал столик возле самой двери. Так удобнее будет смыться. Пальто снимать не стал.

– Что будете пить? – спросил он.

– Не знаю. Что-нибудь.

– Два кальвадоса, – бросил он подошедшему официанту; тот был в жилетке, рукава рубашки засучены. – И пачку «Честерфилда».

– «Честерфилда» нет, – отрезал официант. – Только французские.

– Хорошо. Тогда пачку «Лоран», зеленых.

– Зеленых нет. Только синие.

Равич смотрел на руку официанта, на ней была татуировка – голая красотка вышагивает по облакам. Официант перехватил его взгляд и, сжимая руку в кулак, поиграл мышцей. Живот красотки похотливо задвигался.

– Тогда синих, – бросил Равич.

Гарсон ослабился.

– Может, и зеленые еще найдутся, – обнадежил он и удалился, шаркая шлепанцами.

Равич глянул ему вслед.

– Рыжие шлепанцы, татуировка с танцем живота, – пробормотал он. – Не иначе парень служил в турецком флоте.

Незнакомка положила руки на стол. Положила так, словно ей никогда их больше не поднять. Руки были ухоженные, но это еще ничего не значит. Да и не такие уж ухоженные. Вон ноготь на среднем пальце правой руки обломан и, похоже, просто обкусан. Да и лак кое-где облупился.

Официант принес две рюмки и пачку сигарет.

– «Лоран», зеленые. Нашлась одна пачка.

– Я в вас не сомневался. На флоте служили?

– Нет. В цирке.

– И того лучше. – Равич пододвинул женщине рюмку. – Вот, выпейте. В такое время – самый подходящий напиток. Или хотите кофе?

– Нет.

– Только залпом.

Женщина кивнула и опустошила рюмку. Равич пристально ее разглядывал. Лицо потухшее, мертвенно-бледное, почти без выражения. Губы припухлые, но тоже блеклые, как бы стершиеся в очертаниях, и только светло-русые волосы, тяжелые, с натуральным золотистым отливом, по-настоящему красивы. На ней был берет, а под плащом – синий, пошитый на заказ костюм. Костюм от дорогого портного, и только зеленый камень в кольце на руке слишком велик, чтобы быть настоящим.

– Выпьете еще? – спросил Равич.

Незнакомка кивнула.

Он подозревал официанта.

¹ Триумфальная арка – монумент на площади Звезды (или площадь Этуаль, ныне площадь Шарля де Голля), возведенный по указу Наполеона в ознаменование побед французского оружия. – Здесь и далее примеч. пер.

– Еще два кальвадоса. Только рюмки побольше.
 – Только рюмки? Или побольше налить?
 – Именно.
 – Значит, два двойных?
 – Вы догадливы.

Равич решил свой кальвадос выпить сразу же и смыться. Становилось скучно, да и устал он до смерти. Вообще-то он в подобных случаях бывал терпелив, как-никак за плечами сорок лет отнюдь не спокойной жизни. Однако все происходившее сейчас было ему слишком хорошо знакомо. Он уже несколько лет в Париже, у него бессонница, и, бродя по городу ночами, он всякого навидался.

Гарсон принес заказ. Равич бережно принял у него рюмки с пряной, душистой яблочной водкой и одну поставил перед незнакомкой.

– Вот, выпейте еще. Помочь не поможет, но согреет наверняка. И что бы там с вами ни стряслось – не переживайте. На свете не так уж много вещей, из-за которых стоит переживать.

Женщина вскинула на него глаза. Но пить не стала.

– Это правда так, – продолжил Равич. – Особенно ночью. Ночь – она все преувеличивает.

Женщина все еще смотрела на него.

– Меня утешать не надо, – проговорила она.

– Тем лучше.

Равич уже искал глазами официанта. С него довольно. Знает он этот сорт женщин. Должно быть, русская, подумал он. Такая еще обогреться и обсохнуть не успеет, а уже начнет учить тебя уму-разуму.

– Вы русская? – поинтересовался он.

– Нет.

Равич расплатился и встал, намереваясь откланяться. Но в тот же миг встала и женщина. Встала молча, как будто это само собой разумеется. Равич глянул на нее озадаченно. Ладно, подумал он, проститься можно и на улице.

Там, как выяснилось, начался дождь. Едва выйдя за порог, Равич остановился.

– Вам в какую сторону? – учиво спросил он, про себя твердо решив, что пойдет в противоположную.

– Не знаю. Куда-нибудь.

– Но вы ведь где-то живете?

Незнакомку будто передернуло.

– Туда я не могу! Нет! Ни за что! Только не туда!

Дикий, безумный страх заметался в ее глазах. Обычный домашний скандал, подумал Равич. Крик, брань, вот она и выскоцила на улицу. Завтра к обеду одумается и как миленькая вернется домой.

– И вам совсем не к кому пойти? К подружке, допустим? Отсюда можно позвонить.

– Нет. Не к кому.

– Но куда-то же вам надо податься. У вас что, нет денег на гостиницу?

– Есть.

– Так идите в гостиницу. Их тут в переулках полно.

Женщина не ответила.

– Но куда-то вам нужно деться, – повторил Равич, начиная терять терпение. – Не оставаться же на улице под дождем.

Женщина поплотнее закуталась в плащ.

– Вы правы, – отозвалась она. – Вы совершенно правы. Благодарю. Обо мне не беспокойтесь. Куда-нибудь пойду. Спасибо. – Рука ее потянулась к горлу, сжимая воротник на шее. – Спасибо за все.

Она подняла на Равича измученные глаза и попыталась изобразить улыбку. Потом

зашагала прочь, куда-то в дождь, неслышным, но решительным шагом.

Равич смотрел ей вслед.

— Вот черт! — пробормотал он, вдруг смешавшись. Он и сам не знал, в чем тут дело — то ли всему виной этот ее взгляд и улыбка эта жалкая, то ли пустынная улица и темная ночь, — но он вдруг понял: эту женщину, что уходит от него сейчас в дождливую мглу, как потерявшийся ребенок, он просто не может оставить одну.

Он нагнал ее.

— Пойдемте, — буркнул он почти сердито. — Что-нибудь сообразим.

Они дошли до площади Звезды. Ее лучистые контуры огромной снежинки тонули сейчас в моросящей завесе и казались нескончаемыми. Туман сгустился, и улицы, что разбегаются от площади лучами, было не видно. Перед ними раскинулась только сама площадь, широченная, с разбросанными тут и там тусклыми лунами фонарей и мощной каменной аркой посередине, чья громада, пропадая в мглистой дымке, казалось, подпирает собой наступленное небо, укрывая исполинскими сводами сиротливое, бледное и трепетное пламя на могиле неизвестного солдата, словно это последняя могила рода человеческого, затерянная среди безлюдья вечной ночи.

Они пошли через площадь напрямик. Равич шел быстро. Больно уж он измотан, чтобы еще и думать. Подле себя он слышал усталые, неуверенные шаги женщины, что молча следовала за ним, понурив голову, пряча руки в карманах плаща, — еще один трепетный, беззащитный огонек чьей-то жизни, о которой он ничего не знает, но которая именно сейчас, внезапно, посреди ночной пустынной площади показалась ему странно близкой, почти родной. Пусть она ему чужая, как и сам он чувствует себя чужаком везде и всюду, — но именно это и сближало их сейчас сильнее всяких слов и прочнее долгих лет постылой привычки.

Равич жил в небольшой гостинице в одном из переулков возле Ваграмского проспекта, сразу за Терской площадью. Строго говоря, это была не гостиница, а развалюха, и новой в ней была разве что вывеска над входом — «Отель Интернасьональ».

Он позвонил.

— Свободная комната есть? — спросил он заспанного паренька, открывшего им дверь.

Тот спросонок только бессмысленно хлопал глазами.

— Портье сейчас нет, — пробормотал он наконец.

— Это я и без тебя вижу. Я спросил, есть ли свободная комната.

Паренек испуганно пожал плечами. Он видел, что Равич привел женщину, и никак не мог взять в толк, с какой стати ему по такому случаю понадобилась еще одна комната. Сколько ему известно, женщин сюда приводят вовсе не для этого.

— Мадам спит. Если разбуджу, она меня выгонит, — сообщил он, одной ногой почесывая другую.

— Замечательно. Тогда придется посмотреть без нее.

Равич сунул пареньку чаевые, взял свой ключ и вместе с женщиной направился к лестнице. Поднявшись наверх, он, прежде чем отпереть свою комнату, внимательно осмотрел соседнюю дверь. Выставленной обуви перед ней не было. Он постучал раз, потом другой. Никто не отозвался. Осторожно надавил на дверную ручку. Но дверь была заперта.

— Вчера еще была свободна, — буркнул он. — Что ж, попытаем счастья с другой стороны. Не иначе хозяйка заперла. Чтобы клопы не разбежались.

Он отпер свою комнату.

— Посидите тут. — Он кивнул на красную софу. — Я сейчас.

Он распахнул застекленную дверь, что вела на узкий балкон, ухватился за железную решетку, отделявшую его балкон от соседнего, перебрался туда по перилам и попробовал открыть дверь. Но и та оказалась запертой. Обескураженный, он тем же путем вернулся к себе в комнату.

— Дело дрянь. Похоже, нет у меня для вас комнаты.

Незнакомка сидела в самом углу софы.

– Можно, я немного тут посижу?

Равич глянул на нее пристально. Да на ней лица нет. Похоже, она и встать-то не в силах.

– Можете оставаться.

– Я на минутку только.

– Да спите здесь. Это будет самое простое.

Казалось, женщина вообще его не слышит. Она покачала головой – медленно, почти машинально.

– Лучше бы оставили меня на улице. А теперь… теперь, похоже, я уже не смогу…

– Мне тоже так кажется. Оставайтесь здесь, поспите. Так будет лучше всего. А утром – там видно будет.

Женщина подняла на него глаза.

– Но я не хотела бы вас…

– Бог ты мой, – вздохнул Равич. – Да ничуть вы меня не стесните. Думаете, вы первая, кто у меня заночует, потому что некуда податься? Ведь эта гостиница – приют для беженцев. Здесь такое случается сплошь и рядом. Вам лучше устроиться на кровати. А я посплю на софе. Мне не впервые.

– Нет-нет, можно, я останусь тут, просто посижу? Этого вполне достаточно, если вы позволите.

– Хорошо, как вам угодно.

Равич скинул пальто и повесил на вешалку. Потом прихватил с кровати одеяло и подушку и придинул к софе стул. Принес из ванной свой махровый халат и повесил на спинку стула.

– Вот, – сказал он. – Это все вам. Если желаете, могу еще предложить пижаму. В шкафу, в ящике, берите любую. Больше я о вас не забочусь. Можете занимать ванную. А у меня еще дела.

Незнакомка опять покачала головой.

Равич стоял над ней в недоумении.

– Плащ мы все-таки, пожалуй, снимем, – рассудил он. – Он у вас промок. И берет давайте.

Она послушно отдала и то и другое. Он положил подушку в изголовье софы.

– Это под голову. А стул – это чтобы вы во сне не свалились. – Он пододвинул стул вплотную к софе. – Так, а теперь туфли. Там наверняка полно воды. Для простуды ничего лучше не придумаешь. – Он стянул с нее туфли, достал из шкафа пару шерстяных носков и надел ей на ноги. – Ну вот, так еще куда ни шло. Скверные времена лучше переносить с удобствами. Старая солдатская заповедь.

– Спасибо, – вымолвила женщина. – Спасибо.

Равич направился в ванную, отвернул оба крана. Вода с шумом полилась в раковину. Он ослабил узел галстука и отрешенно глянул на себя в зеркало. Из глубокой тени глазных впадин на него устремился привычно-пристальный, цепкий, изучающий взгляд; лицо худое, можно считать, почти изможденное, если бы не глаза; губы, пожалуй, слишком мягкие на фоне двух глубоких морщин, что бороздами пролегли к уголкам рта от носа; а в довершение всего – длинный, в зазубринах, шрам, что от правой брови протянулся через весь лоб, заползая в волосы.

Телефонный звонок прервал его раздумья.

– Вот черт!

На секунду он забыл обо всем на свете. С ним такое бывает: чуть задумается – и полностью уходит в себя. А тут еще эта женщина…

– Сейчас подойду! – крикнул он. – Напугались? – Он снял трубку. – Да. Что?.. Так… конечно, да… Конечно, получится… Да. Где? Хорошо, еду. Горячего кофе, и покрепче… Хорошо.

Он аккуратно положил трубку и, сидя на краю софы, все еще думал о чем-то своем.

— Мне надо ехать, — сказал он затем. — Это срочно.

Женщина тут же вскочила. Но покачнулась и ухватилась за спинку стула.

— Нет-нет... — На короткий миг Равича тронула эта ее спешная покорная готовность. — Вы можете остаться. Спите. Мне нужно по делам, на час-другой, точно не знаю. Только не уходите никуда.

Он надел пальто. На секунду промелькнула нехорошая мысль, но он тут же ее отогнал. Эта женщина не украдет. Не из таких. Уж в этом-то он разбирается. Да и красть у него особенно нечего.

Он уже был в дверях, когда женщина спросила:

— Можно, я пойду с вами?

— Нет, это исключено. Оставайтесь здесь. Берите все, что понадобится. И кровать, если хотите, тоже ваша. Коньяк вон там. Спите...

Он повернулся, чтобы уйти.

— Только свет не гасите! — вдруг выпалила женщина.

Равич выпустил дверную ручку.

— Вам страшно?

Она кивнула.

Он показал ей на ключ.

— Запритеся. Только ключ выньте. Внизу, у портье, есть второй, им я и открою.

Она затряслась головой:

— Нет, не в том дело. Но, пожалуйста, свет оставьте.

— Вот оно что. — Равич глянул на нее испытующе. — Да я и не собирался гасить. Пусть горит. Это мне знакомо. Со мной такое тоже бывало.

На углу улицы Акаций он поймал такси.

— Улица Лористона, четырнадцать. Только скорее!

Водитель развернул машину и вырулил на проспект Карно. На перекрестке с проспектом Великой Армии справа на них вылетел маленький двухместный кабриолет. Столкновение было неизбежно, но их спасла мокрая мостовая. Кабриолет с визгом затормозил, его занесло вбок, и он чудом пролетел в каких-то сантиметрах от радиатора таксомотора. Крутясь волчком, кабриолет пронесся дальше. Это был маленький «рено», за рулем которого сидел мужчина в очках и черном котелке. Вместе с машиной кружилось, то показываясь на секунду, то снова исчезая, его бледное от гнева лицо. Наконец машина выровнялась и свирепой зеленой саранчой рванула к Триумфальной арке, что возвышалась в конце улицы, словно исполинские врата ада, — только бледный вскинутый кулак еще долго грозил кому-то, тыча в ночное небо.

Таксист обернулся.

— Нет, вы такое видали?

— Видал, — отозвался Равич.

— Но чтобы в такой шляпе. В котелке, ночью, и так гонять?

— Он прав. Он был на основной дороге. Чем вы возмущаетесь?

— Ясное дело, он прав. Потому я и возмущаюсь.

— А если бы он был не прав, что тогда?

— Тоже бы возмущался.

— Вам, я погляжу, легко живется.

— Но я бы тогда совсем по-другому возмущался, — пояснил шофер, сворачивая на проспект Фоша. — Не с таким удивлением, понимаете?

— Нет. Лучше сбавляйте скорость на перекрестках.

— Да я и сам уже понял. Проклятая жижа на мостовой — все как маслом намазали. Только чего ради вы меня расспрашиваете, если потом сами слушать не хотите?

— Потому что устал, — раздраженно ответил Равич. — Потому что ночь. А еще, если угодно, потому что все мы только искры на ветру жизни. Езжайте.

— Ну, тогда другое дело, — уважительно протянул таксист и даже коснулся пальцами козырька фуражки. — Это я понимаю.

— Послушайте, — спросил Равич, осененный внезапной догадкой, — вы, часом, не русский?

— Нет. Но читаю много, пока пассажиров жду.

«На русских мне, значит, сегодня не везет, — подумал Равич. Он откинулся на спинку сиденья. — Кофе, — пронеслось у него в голове. — Очень горячего, черного. Надеюсь, кофе у них достаточно. Руки. Мне нужны чертовски твердые руки. В случае чего пусть Вебер сделает мне укол. Но все получится. Должно получиться». Он опустил стекло и долго, глубоко вдыхал влажный осенний воздух.

2

В небольшой операционной было светло как днем. Помещение больше всего напоминало сейчас бойню, только стерильную. Вокруг стояли ведра, полные окровавленной ваты, повсюду валялись бинты и тампоны, алые пятна крови в этом царстве медицинской белизны смотрелись вопиющей бес tactностью. Вебер сидел в предбаннике за лакированным стальным столом и что-то записывал; его медсестра кипятила инструменты; вода бурлила, яркий свет, казалось, вот-вот зашипит, и только тело, распростертное на операционном столе, было от всего этого как бы отдельно — его уже ничто не трогало.

Равич плеснул себе на ладони жидкого мыла и принялся намыливать руки. Он тер их с таким ожесточением, будто надумал содрать с них кожу.

— Вот гадство! — цедил он сквозь зубы. — Дерьмо собачье!

Медсестра метала в него возмущенные взгляды. Вебер поднял глаза от своих бумаг.

— Спокойно, Эжени! Все хирурги ругаются. Особенно когда дело дрянь. Уж вам-то пора бы знать.

Сестра бросила пригоршню инструментов в кипящую воду.

— Профессор Перье никогда не скверносоловил, — возразила она оскорблённым тоном. — И тем не менее спас много жизней.

— Профессор Перье оперировал на мозге. Это, считайте, все равно что точная механика. А наш брат в потрохах копается. Это совсем другое дело. — Вебер захлопнул тетрадь с записями и встал. — Вы хорошо работали, Равич. Но если до тебя приложил руку коновал, тут уж ничего поделать нельзя.

— Да нет. Иногда можно. — Равич вытер руки и закурил. Медсестра с демонстративным неодобрением тут же распахнула форточку.

— Браво, Эжени! — похвалил Вебер. — Все строго по инструкции.

— У меня есть обязанности в жизни. К тому же я вовсе не желаю взлететь на воздух.

— Вот и прекрасно, Эжени. Это успокаивает.

— А вот некоторые вообще без обязанностей живут. И не желают жить иначе.

— Это в ваш огород, Равич, — хохотнул Вебер. — Полагаю, лучше нам исчезнуть. Эжени с утра обычно не в духе. Да и нечего нам тут больше делать.

Равич окинул взглядом операционную. Глянул на медсестру, верную своим обязанностям. Та встретила его взгляд с испуганным бесстрашием. Никелированная оправа очков придавала ее пустому лицу холодную неприступность. А ведь она тоже человек, как и он, но любая деревяшка — и та ему ближе.

— Простите меня, — проговорил он. — Вы совершенно правы.

На белом столе лежало то, что еще пару часов назад было надеждой, дыханием, болью, трепетным биением жизни. Теперь же это был всего лишь никчемный труп — а бездушный человек-автомат в лице медсестры Эжени, страшно гордой тем, что она никогда не совершила ошибок, уже накрыл этот труп простыней и вывозил на каталке. Такие дольше всех живут, подумал Равич, жизнь просто не замечает эти деревянные души, вот и смерть их не берет.

- До свидания, Эжени, – сказал Вебер. – Желаю вам хорошенько отоспаться.
 - До свидания, доктор Вебер. Спасибо, господин доктор.
 - До свидания, – попрощался Равич. – И простите мне мою ругань.
 - Всего хорошего, – ледяным тоном отозвалась Эжени.
- Вебер ухмыльнулся:
- Железный характер!

На улице их встретило хмурое утро. По мостовым грохотали мусорные машины. Вебер поднял воротник.

- Ну и погодка! Вас подвезти, Равич?
 - Нет, спасибо. Хочу прогуляться.
 - В такую погоду? Я правда могу вас подвезти. Нам же почти по дороге.
- Равич покачал головой.
- Спасибо, Вебер.
- Вебер все еще вопросительно смотрел на него.
- Даже чудно, что вы все еще так переживаете, когда пациент умирает у вас под ножом.
- Вы ведь уже пятнадцать лет оперируете, должны бы привыкнуть.
- А я и привык. И не переживаю.

Вебер стоял перед ним, дородный, довольный. Его широкая, округлая физиономия светилась румянцем, как нормандское яблоко. В черных, аккуратно подстриженных усиках сияли капельки дождя. Рядом, приткнувшись к тротуару, стоял «бьюик» и тоже сиял. В этом авто Вебер сейчас чинно покатит восвояси, в свой розовый, как игрушка, загородный домик, где его ждут чистенькая жена, тоже сияющая, двое чистеньких, разумеется, сияющих детишек и вообще чистенькая, сияющая жизнь. Такому разве что-нибудь объяснишь, разве расскажешь о том неимоверном напряжении, когда, затаив дыхание, делаешь скальпелем первый разрез, когда в ответ на это усилие из-под лезвия струится первая алая струйка крови, когда тело, послушное движениям крючка и хватке зажимов, раскрывается перед тобой, словно многослойный занавес, высвобождая органы, что никогда еще не видели света, когда сам ты, словно охотник в джунглях, идешь по следу сквозь чащобы поврежденных тканей, сквозь узлы и сращения, все глубже продвигаясь к опухоли, и вдруг, внезапно, оказываешься один на один, с глазу на глаз с великим хищником по имени смерть, и начинается поединок, в котором все твое оружие – только твои инструменты и невероятная твердость руки, – как растолкуешь ему, каково это, что это значит, когда в ослепительную белизну твоей беспредельной сосредоточенности холодом в крови вдруг вторгается черная тень этой вселенской изdevки, способной затупить скальпель, сломать иглу, залить свинцом руку, и когда все то незримо трепетное, загадочное, пульсирующее, что звалось жизнью, вдруг утекает из-под твоих бессильных рук, распадается, меркнет, затянутое буруном призрачного, черного, мертвца водоворота, до которого тебе не добраться, с которым тебе не совладать; когда лицо человека, у которого только что было дыхание, имя, собственное «я», у тебя на глазах превращается в анонимную застывшую маску – и этот твой яростный, мятеjный, но все равно бессмысленный гнев, – ну как, как все это объяснишь и что тут вообще объяснять?

Равич закурил следующую сигарету.

- Двадцать один год ей был, – только и сказал он.

Вебер носовым платком отирал капельки с усов.

– Вы отлично работали. Я бы так не смог. А если не удалось исправить то, что какой-то мясник наворочал, так вашей вины тут нет. Тут по-другому и не рассудишь, иначе куда бы это нас завело...

- Действительно, – отозвался Равич. – Куда бы это нас завело?

Вебер сунул платок обратно в карман.

- К тому же после всего, что вам довелось испытать, у вас, думаю, чертовская закалка.

Равич глянул на него со скрытой усмешкой.

– Закалки в таком деле не бывает. Разве что привычка.

– Так и я о том же.

– В том-то и беда, что не ко всему можно привыкнуть. Тут непросто разобраться. Давайте считать, что это все из-за кофе. Может, это и вправду кофе меня так взбудоражил. А мы думаем, что это от расстройства.

– А что, кофе и вправду был хорош, верно?

– Очень хорош.

– Хороший кофе – мой конек. Я как чувствовал, что вам кофе понадобится, поэтому сам и сварил. Ведь не сравнить с бурдой, которую варит Эжени?

– Никакого сравнения. По части кофе вы и впрямь мастак.

Вебер уселся в машину. Но все еще не спускал с него глаз, даже из окна высунулся.

– Может, вас все-таки подбросить по-быстрому, а? Вы, наверно, чертовски устали?

«Тюлень», – невольно подумал Равич. – Точь-в-точь тюлень и такой же здоровый. Но мне-то что? Что за чушь в голову лезет? И вот вечно так – говоришь одно, а в мыслях совсем другое».

– Я не устал, – ответил он. – Кофе меня взбодрил. Спите как следует.

Вебер рассмеялся. Под черными усами ослепительно сверкнули белоснежные зубы.

– Нет, я уже спать не лягу. Поработаю лучше в саду. Тюльпаны и нарциссы посадить надо.

Тюльпаны и нарциссы, эхом отзывалось в голове у Равича. На аккуратных клумбочках, среди чистеньких гравийных дорожек. Тюльпаны и нарциссы – персиковая и золотистая кипеня весны.

– До свидания, Вебер, – сказал он. – Надеюсь, обо всем прочем вы позаботитесь?

– Разумеется. Сегодня же вечером вам позвоню. Гонорар, к сожалению, будет скромный. Даже говорить не о чем. Девчонка была бедная, и родни, похоже, никакой. Ну, там видно будет.

Равич отмахнулся.

– Эжени она сто франков отдала. Похоже, это все, что у нее было. Выходит, вам причитается двадцать пять…

– Хорошо, хорошо, – нетерпеливо оборвал его Равич. – До свидания, Вебер.

– До свидания. Завтра в восемь утра.

Равич медленно брел по улице Лористона. Будь сейчас лето, он бы устроился где-нибудь на скамейке в Булонском лесу, грелся бы на утреннем солнышке, смотрел бы, ни о чем не думая, на воду, на зелень, пока эта жуткая судорога напряжения где-то внутри сама не рассосется. А уж после поехал бы в гостиницу и завалился спать.

Он зашел в быстро на углу Буасьерской. У стойки несколько работяг да шоферюги с грузовиков. Почти все пьют кофе, макая в него булочки. Равич постоял, посмотрел на них. Простая, ясная, надежная жизнь, все в твоих руках: днем работа до упаду, вечером усталость, ужин, жена, а после мертвый сон без всяких сновидений.

– Вишневки, – заказал он бармену.

На щиколотке у умершей была тонкая цепочка дешевенькой позолоты – дурацкое украшение, какие позволительны разве что в молодости, от избытка сентиментальности и отсутствия вкуса. На цепочке даже пластинка имелась, а на пластинке надпись – «Toujour Charles»², и все это без застежки, запаяно раз и навсегда, чтобы не снимать; цепочка, способная рассказать целую историю – о воскресных свиданиях в рощах по берегам Сены, о первой влюбленности и наивной юности, о ювелирной лавочонке где-нибудь в Нейи, о сентябрьских ночных в мансарде, – а потом вдруг задержка, ожидание, испуг, страх – и навеки Шарль, о котором ни слуху ни духу, и подружка, подсунувшая нужный адрес, и

² «Навеки Шарль» (фр.).

знахарка-повитуха, kleенка на столе, и вдруг боль, нестерпимая, режущая боль, и кровь, и растерянное лицо старухи, дряблые руки, торопливо, лишь бы избавиться, запихивающие тебя в такси, и долгие дни мучений, и хочется заползти куда-то, а потом наконец «скорая помощь», больница, последняя сотенная бумажка, скомканная в горячем, потном кулачке... – поздно, слишком поздно.

Над головой задребезжало радио. Танго, гнусавый голос, слашавые, пошлые слова. Равич поймал себя на том, что мысленно шаг за шагом повторяет весь ход операции. Перепроверяет каждое свое движение. На пару часов пораньше – и, возможно, еще был бы какой-то шанс. Вебер, конечно, распорядился срочно его вызвать. Но в гостинице его не было. И вот из-за того, что он проторчал у Альмского моста, девчонка умерла. А сам Вебер такие операции делать не может. Дурацкая цепь случайностей. Дурацкая цепочка на ступне, безжизненно вывернутой внутрь... «Приди в мою лодку, нам светит луна», – фальцетом верещал тенор.

Равич расплатился и вышел. Остановил такси.

– В «Осирис», – бросил он водителю.

«Осирис» – это был солидный, добротно-буржуазный бордель с необъятным баром в древнеегипетском стиле.

– Так закрываемся уже, – попытался остановить его швейцар. – Никого нет.

– Совсем никого?

– Только мадам Роланда. А дамы все разошлись.

– Вот и прекрасно.

Портье поплелся за ним, сердито шаркая галошами.

– Может, вам лучше такси не отпускать? Здесь потом так просто не поймаешь. А мы уже закончили...

– Это я уже слышал. И такси я как-нибудь раздобуду...

Равич сунул швейцару пачку сигарет в нагрудный карман и, миновав тесную прихожую и гардероб, вошел в просторный зал. Бар и вправду был пуст, являя собой зрелище привычного разгрома, учиненного подгулявшими буржуа: на полу окурки, озерца пролитого вина, несколько опрокинутых стульев, в воздухе затхлый настой табачного дыма, духов и пота.

– Роланда! – позвал Равич.

Она стояла у столика над горкой розового шелкового белья.

– Равич. – Она нисколько не удивилась. – Поздновато. Чего тебе – девочку или выпить? Или и то и другое?

– Водки. Польской.

Роланда принесла бутылку и стопку.

– Сам себе нальешь? Мне еще белье разобрать и записать надо все. Сейчас из прачечной приедут. Если не записать, эти ворюги все растащат, хуже сорок. Ну, шоферня, ты не понял? Девкам своим на подарки.

Равич кивнул.

– Включи музыку, Роланда. Погромче.

– Хорошо.

Роланда включила радио. Под высокими сводами пустого зала во всю мощь барабанов и литавр грянул музыкальный гром.

– Не слишком громко, Равич?

– Нет.

Слишком громко? Слишком громкой сейчас была только тишина. Тишина, от которой,казалось, тебя вот-вот разорвет, как в безвоздушном пространстве.

– Ну вот, готово. – Роланда подошла к столику Равича. Ладная фигура, ясное лицо, спокойные черные глаза. И пуритански строгое черное платье, резко выделяющее ее среди полуголых девиц, – знак того, что она здесь распорядительница.

– Выпей со мной, Роланда.

– Давай.

Равич сходил к стойке за еще одной рюмкой, налил. Когда рюмка наполнилась наполовину, Роланда отстринила бутылку.

– Хватит. Больше не надо.

– Полрюмки – это не дело. Лучше просто не допей, оставиши.

– Зачем? Это ж только перевод добру.

Равич поднял глаза. Взглянул в ее надежное, такое рассудительное лицо и улыбнулся:

– Перевод добру. Вечный страх всех французов. А чего ради вся эта бережливость? Тебя, вон, не больно-то берегут.

– Так то ж коммерция. Совсем другое дело.

Равич рассмеялся.

– Тогда выпьем за коммерцию. Во что превратилось бы человечество, если бы не мораль торгащей? В сущий сброд: одни уголовники, идеалисты да лодыри.

– Тебе нужна девушка, – решила Роланда. – Хочешь, я позвоню, вызову Кики? Очень хороша. Двадцать один год.

– Вон как. Тоже двадцать один. Нет, это сегодня не для меня. – Равич снова наполнил свою рюмку. – Скажи, Роланда, перед сном о чем ты обычно думаешь?

– Обычно ни о чем. Устаю очень.

– Ну а когда не устаешь?

– Тогда о Туре.

– С какой стати?

– У одной из моих тетушек там дом с лавкой. Я уже два раза за нее закладную выкупала. Когда она умрет – ей семьдесят шесть, – дом мне достанется. Я тогда вместо лавки кафе открою. Обои светлые, чтобы в цветочек, живая музыка, ну, там, пианино, скрипка, виолончель, а в глубине зала бар. Небольшой, но со вкусом. А что, район хороший и место бойкое. Пожалуй, в девять с половиной тысяч я уложусь, даже на люстры и шторы хватит. Тогда у меня еще пять тысяч про запас останется на первое время. Ну и плата с жильцов к тому же, ведь второй и третий этажи я сдавать буду. Вот о чем я думаю.

– Ты сама из Тура?

– Да. Но там никто не знает, где я и что. А если дела хорошо пойдут, никто и интересоваться не станет. Деньги, они все прикроют.

– Не все. Но многое.

Равич уже чувствовал легкую тяжесть в голове, отчего и голос его теперь звучал как-то тягуче.

– По-моему, с меня достаточно, – сказал он, вытаскивая из кармана несколько бумажек.

– И там, в Туре, ты выйдешь замуж, Роланда?

– Не сразу. Но через несколько лет – пожалуй. У меня там есть кое-кто.

– Ты к нему ездишь?

– Редко. Он мне пишет иногда. Не на этот адрес, конечно. Вообще-то он женат, но жена его в больнице. Туберкулез. Врачи говорят, еще год, от силы два. И тогда он свободен.

Равич встал.

– Благослови тебя Бог, Роланда! У тебя трезвый ум.

Она улыбнулась, не заподозрив в его словах никакого подвоха. Видимо, и сама так считает. В ясном лице – ни тени усталости. Свеженькое, чистое лицико, словно она только что встала. Эта знает, чего хочет. В жизни для нее нет тайн.

Небо прояснилось. Дождь кончился. Стальные писсуары по углам улиц стояли как маленькие бастионы. Швейцар ушел, ночь канула, начинался день, и толпы торопливых прохожих теснились перед дверями подземки, словно это норы, куда их так и тянет провалиться, принося себя в жертву некоему жуткому божеству.

Женщина на софе испуганно вскинулась. Но не вскрикнула – только вздрогнула, издав неясный, приглушенный звук, и так и застыла, приподнявшись на локтях.

— Тихо, тихо, — успокоил ее Равич. — Это всего лишь я. Тот, кто вас сюда и привел пару часов назад.

Женщина перевела дух. Равич толком не мог ее разглядеть: зажженная люстра и вползающее в окно утро заполняли комнату странным, вымороочным светом.

— По-моему, это уже пора погасить, — сказал Равич, повернув выключатель.

В висках все еще постукивали мягкие молоточки опьянения.

— Завтракать будете? — спросил он.

Он напрочь забыл о своей гостье и, только забирая у портье ключ, вспомнил, тут же втайне понадеявшись, что та уже ушла. Он-то сам с радостью бы от нее избавился. Он хорошо выпил, шторки сознания в голове раздвинулись, цепочка времени со звоном порвалась, воспоминания и грэзы, настырные и бесстрашные, обступили его. Хотелось побывать одному.

— Хотите кофе? — спросил он. — Это единственное, что здесь делают прилично.

Женщина покачала головой. Он глянул на нее пристальнее.

— Что-то не так? Кто-то приходил?

— Нет.

— Но я же вижу: что-то случилось. Вы же смотрите на меня, как на привидение.

Ее губы задрожали.

— Запах, — выдавила она наконец.

— Запах? — недоуменно повторил Равич. — Водка особенно не пахнет. Вишневка и коньяк тоже. А сигареты вы и сами курите. Что вас так напугало?

— Я не о том...

— Бог ты мой, тогда о чем?

— Тот же самый... тот же запах...

— Господи, эфир, что ли? — осенило Равича. — Вы про эфир?

Незнакомка кивнула.

— Вас что, оперировали?

— Нет... Но...

Равич не стал слушать дальше. Он распахнул окно.

— Сейчас выветрится. Можете пока выкурить сигарету.

Он прошел в ванную и отвернул оба крана. Посмотрел на себя в зеркало. Пару часов назад он вот так же тут стоял. Всего пару часов — а человека не стало. Вроде бы ничего особенного. Люди умирают во множестве, каждую секунду. Даже статистика какая-то есть на этот счет. Ничего особенного. Но для того, кто умрет, ничего важнее на свете не будет, ибо этот свет будет жить и кружить уже без него.

Он присел на край ванны и сбросил ботинки. Вечно одно и то же. Неумолимый распорядок бытия. Презренная проза пошлой привычки, вторгающаяся в сияние самых пышных миражей. Сколько бы ни нежились цветущие берега сердца в струях любви, но раз в несколько часов, кто бы ты ни был — поэт, полубог или последний идиот, — тебя стащят с самых блаженных небес потребность помочиться. И никуда ты от этого не денешься! Насмешка природы. Романтический флер над рефлексами желез и урчанием пищеварения. Дьявольская изdevка: органы экстаза, одновременно приспособленные для выделений и испусканий. Равич отбросил ботинки в угол. Дурацкое обыкновение раздеваться. Даже от него никуда не деться! Только живя один, понимаешь, какая это чушь. Сколько в этом покорности, сколько самоуничижения. Много раз он из принципа засыпал не раздеваясь, лишь бы перебороть в себе эту слабость. Но все это была только видимость, самообман. От привычки и правил никуда не деться!

Он включил душ. Прохладная вода заструилась по телу. Он глубоко вздохнул и стал вытиратся. Благо уютных мелочей. Вода, твое дыхание, вечерний дождь. Только живя один, начинаешь ценить и это. Благодарное отдохновение кожи. Легкое течение крови в кромешном мраке сосудов. Прилечь на опушке. Березы. Белые летние облака. Небо юности. Где они — былые треволнения сердца? Забиты и задавлены суровыми треволнениями бытия.

Он вернулся в комнату. Женщина на софе, укутавшись в одеяло, забилась в самый угол.

– Холодно? – спросил он.

Она покачала головой.

– Страшно?

Она кивнула.

– Вы меня боитесь?

– Нет.

– Чего-то там? – Он указал на окно.

– Да.

Равич закрыл окно.

– Спасибо, – сказала она.

Он видел перед собой ее затылок. Плечи. Дыхание. Признаки жизни, пусть чужой, но жизни. Тепло. Не окоченевшее тело. Что можно подарить другому, кроме тепла? И можно ли подарить больше?

Женщина шевельнулась. Она дрожала. И смотрела на Равича. Он почувствовал, как разом отлегло от сердца. Пришла легкость и блаженная прохлада. Судорога отступила. Открылся простор. Словно он прожил ночь на чужой планете – а теперь снова очутился на Земле. Все вдруг стало просто, ясно: утро, женщина, – больше можно ни о чем не думать.

– Иди сюда, – сказал он.

Она не сводила с него глаз.

– Иди сюда, – повторил он, уже теряя терпение.

3

Равич проснулся. И сразу почувствовал на себе чей-то взгляд. Ночная гостья, уже одетая, сидела на софе. Но смотрела вовсе не на него, а в окно. Он-то надеялся, что она давно ушла. Ему стало не по себе оттого, что она все еще здесь. По утрам он не выносит возле себя посторонних.

Он прикинул, не попробовать ли снова уснуть, но мешала мысль, что на него будут смотреть. И решил, что пора от незнакомки избавиться. Если она денег ждет, еще проще. Да и вообще – что тут сложного? Он сел на кровати.

– Давно встали?

Вздрогнув, женщина обернулась.

– Не могла больше спать. Извините, если разбудила.

– Вы меня не разбудили.

Она встала.

– Я хотела уйти. Сама не знаю, почему не ушла.

– Подождите. Я сейчас. Только организую для вас завтрак. Знаменитый здешний кофе. На это у нас время еще есть.

Он встал, позвонил. Прошел в ванную. Заметил, что женщина тоже здесь побывала, но все было приведено в порядок, аккуратно разложено по местам, даже использованные полотенца. Пока чистил зубы, слышал, как пришла горничная с завтраком.

Он заторопился.

– Вам было неудобно? – спросил он, выходя из ванной.

– Что? – не поняла женщина.

– Ну, горничная, что она вас видит. Я как-то не подумал.

– Нет. Да она и не удивилась.

Женщина взглянула на поднос. Завтрак был на двоих, хотя Равич об этом не просил.

– Ну, это само собой. Как-никак мы все-таки в Париже. Вот ваш кофе. Голова болит?

– Нет.

– Это хорошо. А у меня болит. Но через часок перестанет. Вот булочки.

– Я не могу.

– Бросьте, можете. Вам просто кажется. Вы попробуйте.

Она взяла булочку. Но снова отложила.

– Правда не могу.

– Тогда выпейте кофе и выкурите сигарету. Солдатский завтрак.

– Хорошо.

Равич уже ел.

– Все еще не проголодались? – спросил он немного погодя.

– Нет.

Незнакомка загасила сигарету.

– Кажется... – начала она, но замялась.

– Что вам кажется? – спросил Равич скорее из вежливости.

– Кажется, мне пора.

– Дорогу знаете? Мы тут около Ваграмского проспекта.

– Не знаю.

– Сами-то вы где живете?

– В гостинице «Верден».

– Так это совсем рядом. Выйдем, я вам покажу. Мне все равно вас мимо портье проводить.

– Да, но не в том...

Она снова осеклась. Деньги, подумал Равич. Как всегда, деньги.

– Если у вас затруднения, я охотно вас выручу.

Он достал бумажник.

– Прекратите! Это еще что! – вспыхнула женщина.

– Ничего! – Равич поспешно спрятал бумажник. – Извините...

Она встала.

– Вы были... Я должна вас поблагодарить... Иначе бы я... Эта ночь... Одна я бы...

Только тут Равич вспомнил, что произошло. Начни она из такого пустяка раздувать любовную историю, это было бы просто смешно. Но что она станет его благодарить – этого уж он никак не ожидал, и это было еще неприятнее.

– Я бы совсем не знала, как быть.

Она все еще стояла перед ним в нерешительности. Какого черта она не уходит?

– Но теперь вы знаете, – пробормотал он, лишь бы что-то сказать.

– Нет. – Женщина посмотрела ему прямо в глаза. – Все еще не знаю. Знаю только, что что-то надо предпринять. Знаю, что нельзя просто так сбежать.

– Это уже немало, – бросил Равич, беря пальто. – Я провожу вас вниз.

– Это не обязательно. Скажите только... – Она снова замялась, мучительно подбирая слова. – Может, вы знаете... что надо делать... когда...

– Когда что? – не дождавшись продолжения, спросил Равич.

– Когда кто-то умер, – выпалила незнакомка, и тут вдруг плечи ее дрогнули. Она даже не всхлипывала, плакала почти беззвучно.

Равич дождался, пока она успокоится.

– У вас кто-то умер?

Она кивнула.

– Вчера вечером?

Она кивнула снова.

– Это вы его убили?

Женщина уставилась на него ошеломленно.

– Что? Что вы сказали?

– Вы его убили? Раз уж вы меня спрашиваете, что делать, я должен знать.

– Он умер! – выкрикнула она. – Сразу...

Она спрятала лицо в ладони.

– Он что, болел?

– Да.

– Врача вызывали?

– Да... Но он не хотел в больницу...

– Вчера врач приходил?

– Нет. Третьего дня. Но он... он с тем врачом разругался и не хотел больше его видеть.

– А другого вызывать не пробовали?

– Других мы не знаем никого. Мы здесь всего три недели. Этого нам официант разыскал. Но он... он от него отказался... сказал, что сам знает... лучше уж сам будет лечиться...

– Что у него было?

– Точно не знаю. Врач сказал – воспаление легких. Но он не поверил. Мол, все врачи шарлатаны. И вчера ему и вправду стало лучше... А потом вдруг...

– Почему вы в больницу его не положили?

– Он не хотел... Говорил... Вбил себе в голову, что без него я стану ему изменять... Он... Вы его не знаете... Бесполезно уговаривать...

– Он все еще в гостинице лежит?

– Да.

– Вы хозяину сообщили?

– Нет. Когда вдруг все стихло... эта тишина... и его глаза... я не выдержала и просто сбежала...

Равич еще раз припомнил минувшую ночь. На секунду он смутился. Но что было, то было, теперь-то не все ли равно – и ему, и ей. Особенно ей. Этой ночью ей было ни до чего, лишь бы выстоять. А на всяких там сантиментах свет клином не сошелся. Лавинь³, когда узнал, что жена его умерла, всю ночь провел в публичном доме. Продажные девки его спасли; надеясь на священников он не стал. Кто в силах понять – поймет. Объяснения тут бесполезны. Зато потом это тебя обязывает...

Он накинул пальто.

– Пойдемте. Я схожу с вами. Это был ваш муж?

– Нет, – ответила женщина.

Хозяином гостиницы «Верден» оказался гнусного вида толстяк. На лысом черепе ни волосинки, зато крашеные черные усы и кустистые брови тревожно встопорщены. Он маячил посреди вестибюля, из-за спины выглядывал официант, за официантом горничная, за горничной – плоскогрудая кассирша. Равич с первого взгляда понял: этому уже все известно. При виде женщины толстяк побагровел и замахал пухлыми ручонками, обрушивая на постоялицу весь свой праведный гнев, к которому, впрочем, как нетрудно было заметить, примешивалось и несомненное облегчение. Когда он, вволю отведя душу на проклятых иностранцах, перешел к угрозам, упомянув подозрения, полицию и тюрьму, Равич его остановил.

– Вы не из Прованса? – вежливо спросил он.

Хозяин опешил.

– Нет. А это еще при чем?

– Да ни при чем, – бросил Равич. – Просто хотелось вас прервать. А для этого лучше всего годится какой-нибудь идиотский вопрос. Иначе вы бы еще битый час тут распинались.

– Сударь! Да кто вы такой? И что вам тут нужно?

– Пока что это ваша первая разумная фраза.

Хозяин опомнился.

– Кто вы такой? – повторил он, но уже тише и с явной опаской ненароком оскорбить

³ Лавинь, Эрнст Губерт (1834–1893) – французский художник и скульптор.

влиятельную особу.

— Я врач.

Хозяин мигом сообразил — бояться нечего.

— Врачи нам уже не нужны! — заорал он с новой силой. — Нам тут полиция нужна!

А сам искоса поглядывал на Равича и женщину, явно ожидая испуга, протестов и просьб с их стороны.

— Отличная мысль. Но если так, почему ее все еще нет? Ведь вам уже несколько часов известно, что у вас умер постоялец.

Хозяин озадаченно молчал и только яростно таращился на Равича.

— Я вам скажу почему. — Равич шагнул поближе. — Потому что вы не хотите переполошить других постояльцев. Ведь многие из них в таком случае съедут. Однако без полиции тут не обойтись — закон есть закон. И только от вас зависит, чтобы все это прошло как можнотише. Но беспокоит вас совсем не это. Вы испугались, что вас надули, подкинули вам покойника и оставили расхлебывать всю эту кашу. Как видите, это не так. Еще вы боялись, что вам не заплатят по счету. Не волнуйтесь, счет будет оплачен. А теперь я хотел бы взглянуть на умершего. Остальным займусь потом.

Минуя хозяина, Равич невозмутимо направился к лестнице.

— Какой у вас номер? — спросил он у женщины.

— Четырнадцатый.

— Вам не обязательно со мной ходить. Я все сам сделаю.

— Нет. Я не хочу здесь оставаться.

— Лучше бы вам этого не видеть.

— Нет. Я не хочу здесь оставаться.

— Хорошо. Как вам будет угодно.

Комната оказалась низкая, окнами на улицу. Перед дверью столпились горничные, коридорные, официант. Равич жестом заставил всех посторониться. Две кровати. На той, что у стены, лежит мужчина. Желтый, неподвижный, как восковая фигура, со странно живыми курчавыми волосами, в красной шелковой пижаме. Рядом с ним на ночном столике — дешевенькая деревянная фигурка мадонны со следами губной помады на лице. Равич взял ее, чтобы разглядеть получше, обнаружил на тыльной стороне надпись «Made in Germany»⁴. Он еще раз взглянул на покойного: нет, у того губы не накрашены, да и по виду не похож. Глаза приоткрыты, один больше, другой меньше, отчего все лицо приобрело выражение странного безразличия, так и застыл в судороге вечной скуки.

Равич наклонился поближе. Изучил пузырьки с лекарствами на ночном столике, осмотрел тело. Следов насилия нет. Он выпрямился.

— Как звали врача, который к вам приходил? — спросил он у женщины. — Фамилиюпомните?

— Нет.

Он глянул на нее внимательнее. Бледная как полотно.

— Сядьте-ка вон туда. Вон на тот стул в углу. Там пока и посидите. Официант, который вызывал вам врача, здесь?

Он обвел глазами собравшихся у двери. На всех лицах одно и то же выражение: смесь ужаса и жадного любопытства.

— На этом этаже Франсуа работает, — сообщила уборщица, выставив перед собой швабру, точно копье.

— Где Франсуа?

Официант протиснулся вперед.

— Как звали врача, который его лечил?

⁴ «Сделано в Германии» (англ.).

– Боннэ. Шарль Боннэ.

– Телефон его у вас есть?

Официант порылся в карманах.

– Пасси 27–43.

– Хорошо. – Равич разглядел в коридоре физиономию хозяина. – А теперь распорядитесь-ка закрыть дверь. Или вам охота, чтобы сюда сбежалась вся улица?

– Нет! Вон! Все вон отсюда! Чего встали? Побездельничать решили за мой счет?

Хозяин вытолкал всех в коридор и прикрыл дверь. Равич снял телефонную трубку, набрал номер Вебера и переговорил с ним. Потом позвонил по номеру в Пасси. Боннэ вел прием. Он подтвердил все, что рассказала женщина.

– Этот человек умер, – сообщил Равич. – Вы не могли бы приехать и выписать справку о смерти?

– Этот человек меня выгнал. Причем самым оскорбительным образом.

– Теперь он уже не в силах вас оскорбить.

– Но он не заплатил мне за визит. Предпочел меня обозвать: дескать, я не врач, а рвач, да еще и шарлатан.

– Приезжайте, и ваш счет будет оплачен.

– Я могу кого-нибудь прислать.

– Лучше вам приехать самому. Иначе плакали ваши денежки.

– Хорошо, – согласился Боннэ после непродолжительного раздумья. – Но я ничего не подпишу, пока мне не заплатят. За все про все триста франков.

– Вот и прекрасно. Триста франков. Вы их получите.

Равич повесил трубку.

– Мне очень жаль, что вам приходится все это выслушивать, – сказал он женщине. – Но по-другому никак. Без него нам не обойтись.

Женщина уже доставала купюры.

– Ничего страшного, – сказала она. – Для меня это не внове. Вот деньги.

– Не спешите. Он сейчас приедет. Ему и отадите.

– А сами вы справку о смерти выписать не можете?

– Нет. Тут нужен французский врач, – пояснил Равич. – Желательно тот, кто его лечил, так будет проще всего.

После ухода Боннэ, едва за ним закрылась дверь, в комнате повисла гнетущая тишина. Словно не просто человек вышел, а что-то еще случилось. Шум машин с улицы доносился теперь как будто сквозь воздушную стену, просачиваясь сквозь нее с превеликим трудом. На смену суете и суматохе минувшего часа в свои права полновластно вступил покойный. Его великое безмолвие осязаемо заполнило собой все пространство дешевой гостиничной комнаты, и не важно было, что на нем шелковисто-переливчатая красная пижама, – будь он хоть в шутовском наряде клоуна, он все равно бы властвовал одной этой своей каменной неподвижностью. Ибо все живое движется, а всему, что движется, энергично ли, грациозно или, наоборот, неуклюже, не дано это отрешенное величие неподвижности, величие кончины, после которой лишь распад и тлен. Только в этой неподвижности явлено совершенство, даруемое каждому покойнику, да и то лишь на краткий срок.

– Так он не был вашим мужем? – еще раз спросил Равич.

– Нет. Да и какая разница?

– Законы. Наследство. Полиция будет составлять опись имущества – что принадлежит вам, что ему. Все ваше оставят вам. А на его имущество будет наложен арест. До появления наследников, если таковые обнаружатся. У него вообще есть родственники?

– Не здесь, не во Франции.

– Но вы ведь с ним жили?

Женщина не ответила.

– Долго?

— Два года.

Равич оглядел комнату.

— У вас что, чемоданов нет?

— Почему?.. Были. Они... вон там стояли... у стены. Еще вчера вечером...

— Понятно. Хозяин.

Равич распахнул дверь. Уборщица со шваброй испуганно шарахнулась в сторону.

— Мамаша, — укорил ее Равич, — вы не по годам любопытны.

Старуха возмущенно зашипела.

— Вы правы, правы, — опередил ее Равич. — В ваши годы чем еще себя потешить? А сейчас позовите мне хозяина.

Старуха фыркнула и со шваброй наперевес кинулась прочь.

— Весьма сожалею, — вздохнул Равич. — Иначе никак нельзя. Вам, вероятно, все это кажется ужасно беспардонным, но тут чем скорей, тем лучше. А если вы сейчас чего-то не понимаете, вам же легче.

— Я понимаю, — вымолвила женщина.

Равич глянул на нее.

— Понимаете?

— Да.

С листком в руках появился хозяин. Он вошел, даже не постучав.

— Где чемоданы? — спросил Равич.

— Сперва счет. Вот он. Первым делом пусть мне оплатят счет.

— Первым делом вы вернете чемоданы. Никто пока что не отказывался платить по счетам. И от комнаты пока тоже никто не отказался. А в следующий раз, прежде чем войти, потрудитесь постучать. Давайте ваш счет и распорядитесь принести чемоданы.

Толстяк смотрел на него с яростью.

— Да получите вы ваши деньги.

Хлопнув дверью, хозяин вылетел вон.

— Деньги в чемоданах? — спросил Равич.

— Я... Нет, по-моему, нет...

— Тогда где? В костюме? Или их вовсе не было?

— Деньги были у него в бумажнике.

— Где бумажник?

— Он под... — Женщина замялась. — Обычно он держал его под подушкой.

Равич встал. Осторожно приподнял подушку вместе с головой покойного, нашарил кожаный черный бумажник и передал женщине.

— Возьмите деньги и все, что считете важным. Да скорей же! Сейчас не до сантиментов. На что-то ведь вам надо жить. А для чего еще нужны деньги? Без пользы в полиции валяться?

Он отвернулся и уставился в окно. На улице водитель грузовика материл зеленщика за то, что тот своим фургоном и парой лошадей перегородил дорогу. Судя по всему, мощный мотор внушал ему чувство бесспорного превосходства. Равич обернулся.

— Все?

— Да.

— Дайте сюда бумажник.

Он сунул бумажник обратно под подушку. Отметил про себя, что бумажник заметно похудел.

— Положите все в сумочку, — велел он.

Женщина повиновалась. Равич принял изучать счет.

— Вы уже оплачивали здесь счета?

— Точно не помню. По-моему, да.

— Это счет за две недели. Всегда ли... — Равич запнулся. Почему-то язык не поворачивался назвать сейчас покойного просто «господином Рашинским». — Счета всегда

оплачивались в срок?

— Да, неукоснительно. Он то и дело повторял: в его положении важно за все платить вовремя.

— Ну и скотина же этот ваш хозяин! Как по-вашему, последний оплаченный счет где может лежать?

В дверь постучали. Равич не смог сдержать улыбку. Коридорный внес чемоданы. За ним шествовал хозяин.

— Чемоданы все? — спросил Равич у женщины.

— Да.

— Разумеется, все, — буркнул толстяк. — А вы как думали?

Равич взял тот, что поменьше.

— Ключ от чемодана у вас есть? Нет? Тогда где он может быть?

— В шкафу? У него в костюме.

Равич распахнул шкаф. Тот был пуст.

— Ну? — спросил он, обернувшись к хозяину.

— Ну? — накинулся тот на коридорного.

— Костюм... Я его вынес, — пролепетал тот.

— Зачем?

— Почистить... отуюжить...

— Это, пожалуй, уже ни к чему, — заметил Равич.

— Сейчас же неси сюда костюм, ворье поганое! — заорал хозяин.

Коридорный как-то странно, чуть ли не с подмигиванием, глянул на хозяина и вышел. И почти сразу вернулся с костюмом. Равич встряхнул пиджак, потом брюки. В брюках что-то тихонько звякнуло. Равич на секунду замешкался. Как-то чудно лезть в брюки мертвеца. Словно костюм вместе с ним скончался. А еще чуднее всякую чушь думать. Костюм — он и есть костюм.

Он вытащил ключ и открыл чемодан. Сверху лежала парусиновая папка.

— Это она? — спросил он у женщины.

Та кивнула.

Счет нашелся сразу. Он был оплачен. Равич сунул его под нос хозяину.

— Вы приписали лишнюю неделю.

— Да? — взвился толстяк. — А переполох? А все это свинство? А волнения? Это, по-вашему, все даром? А что у меня опять желчь разыгралась — это, по-вашему, и так входит в стоимость? Вы сами сказали — постояльцы съедут! Столько убытков! А кровать? А дезинфекция номера? А изгвазданное покрывало?

— Покрывало в счете числится. Но там еще и ужин за двадцать пять франков вчера вечером. Вы вчера что-нибудь заказывали? — спросил он у женщины.

— Нет, — ответила та. — Но, может, я просто заплачу? Я... Мне хотелось бы уладить это поскорее...

Уладить поскорее, мысленно повторил за ней Равич. Знаем, проходили. А потом тишина и только покойник. И, словно дубиной по голове, оглушительная поступь безмолвия. Нет уж, пусть лучше так, хоть это и омерзительно. Он взял со стола карандаш и принялся за подсчеты. Потом протянул счет хозяину.

— Согласны?

Толстяк взглянул на итоговую цифру.

— За сумасшедшего меня держите?

— Согласны? — повторил вопрос Равич.

— Да кто вы вообще такой? И с какой стати лезете не в свое дело?

— Я — брат, — сухо пояснил Равич. — Согласны?

— Плюс десять процентов на обслуживание и налоги. Иначе никак.

— Идет. — Равич накинул десять процентов. — С вас двести девяносто два франка, — сообщил он женщине.

Та извлекла из сумочки три сотенных и протянула хозяину. Толстяк взял купюры и двинулся к двери.

– К шести часам попрошу освободить помещение. Иначе еще за сутки заплатите.

– С вас восемь франков сдачи, – напомнил ему Равич.

– А портье?

– Портье мы отблагодарим сами.

Хозяин шваркнул на стол восемь франков.

– Sales étrangers⁵, – буркнул он себе под нос, выходя из комнаты.

– Это особая гордость хозяев иных французских отелей: они полагают себя вправе ненавидеть иностранцев, живя за их счет.

Равич заметил коридорного, который все еще маячил у двери с чаевыми в глазах.

– Вот вам.

Коридорный сперва посмотрел на купюру.

– Благодарю вас, месье, – проговорил он и удалился.

– Теперь надо дождаться полицию, и только потом можно будет его вывезти, – сказал Равич, бросив взгляд на женщину.

В сгущающихся сумерках та сидела в углу между двумя чемоданами.

– Стоит умереть, и ты сразу важная птица... А пока живешь, до тебя никому нет дела.

Равич глянул на женщину еще раз.

– Может, вам лучше вниз спуститься? – предложил он. – Там у них что-то вроде канцелярии...

Она покачала головой.

– Я могу с вами пойти. Сейчас мой приятель приедет, доктор Вебер. Он уладит все вопросы с полицией. Можем подождать его внизу.

– Нет. Я хотела бы остаться здесь.

– Но здесь... здесь уже ничего не поделаешь. Зачем вам тут оставаться?

– Не знаю. Он... ему уже недолго тут лежать... А я часто... Он не был счастлив со мной. Я часто уходила. Хоть теперь останусь.

Она произнесла это спокойно, без всякого надрыва.

– Он об этом уже не узнает, – заметил Равич.

– Не в том дело...

– Ладно. Тогда давайте выпьем. Вам это нужно.

Не дожидаясь ответа, Равич позвонил. Официант явился неожиданно быстро.

– Два двойных коньяка принесите.

– Сюда?

– Конечно. А куда еще?

– Слушаюсь, сударь.

Он принес две рюмки и бутылку курвуазье. Пугливо покосился в угол на смутно мерцающую в сумерках кровать.

– Свет зажечь? – спросил он.

– Не надо. А вот бутылку можете оставить.

Официант поставил поднос на стол и, еще раз оглянувшись на кровать, стремглав удалился.

Равич дополна налил обе рюмки.

– Выпейте, – потребовал он. – Вам станет легче.

Он ожидал, что женщина станет отказываться, и уже приготовился ее уговаривать. Но та без колебаний выпила все до дна.

– В чемоданах есть еще что-то нужное? Важное для вас?

– Нет.

⁵ Иностранцы поганые (фр.).

— Что-то, что вы хотели бы сохранить? Что может вам пригодиться? Не хотите хотя бы взглянуть?

— Нет. Ничего там нет. Я знаю.

— И в маленьком чемодане тоже?

— Может быть. Не знаю, что он там держал.

Равич взял чемодан, положил на стол, раскрыл. Несколько бутылок, кое-что из белья, пара блокнотов, коробка акварельных красок, кисточки, книга, в боковом кармашке парусиновой папки — тонкий сверток из пергаментной бумаги. Две купюры. Равич посмотрел их на свет.

— Тут сто долларов, — сообщил он. — Возьмите. Сколько-то времени сможете на них прожить. Мы этот чемоданчик к вашим вещам поставим. С тем же успехом он мог принадлежать и вам.

— Спасибо, — вымолвила женщина.

— Вам, наверно, все это кажется отвратительным. Но это необходимо. Ведь это важно для вас. Деньги — это для вас время.

— Мне это не кажется отвратительным. Просто сама я бы не смогла.

Равич снова наполнил рюмки.

— Выпейте еще.

Она выпила, теперь уже медленно.

— Ну как, лучше? — спросил он.

Она подняла на него глаза.

— Не лучше и не хуже. Вообще никак.

В полумраке ее было почти не видно. Лишь изредка красноватый отблеск рекламы мерцающим всполохом пробегал по рукам и лицу.

— Не могу ни о чем думать, пока он здесь, — призналась она.

Двоих санитаров, придвинув носилки к кровати, сбросили с покойника одеяло. Переложили тело на носилки. Все это молча, быстро, деловито. Равич встал к женщине поближе — на тот случай, если она вздумает брякнуться в обморок. Пока санитары не накрыли тело, он наклонился над покойником и взял с ночного столика деревянную фигурку мадонны.

— По-моему, это ваше, — сказал он женщине. — Забирать не будете?

— Нет.

Он попытался сунуть фигурку ей в руки. Она не брала. Тогда он раскрыл маленький чемодан и положил мадонну туда.

Санитары тем временем набросили на труп покрывало. Подняли носилки. Дверь оказалась узкая, да и коридор не слишком широкий. Сколько ни пробовали они развернуться, все было тщетно — носилки утыкались в стену.

— Придется его снять, — решил тот, что постарше. — Так не пройдет.

И выжидательно посмотрел на Равича.

— Пойдемте, — сказал Равич женщине. — Нам лучше подождать внизу.

Женщина покачала головой.

— Хорошо, — бросил он санитарам. — Делайте как знаете.

Те за руки за ноги сняли тело с носилок и переложили на пол. Равич хотел что-то сказать. Посмотрел на женщину. Та стояла как вкопанная. Он промолчал. Санитары сперва вынесли носилки. Потом нырнули обратно в полумрак комнаты и вытащили тело в тусклую освещенный коридор. Равич шел за ними. На поворотах лестницы тело приходилось поднимать. Лица санитаров от натуги побагровели и взмокли, они вовсю пыхтели, а покойник колыхался над ними, как живой. Равич дождался, пока они снесут тело вниз. Потом вернулся.

Замерев у окна, женщина смотрела на улицу. Там стояла машина. Санитары засунули тело в недра фургона, как пекарь сажает в печь хлеб. Потом уселись в кабину, мотор будто

воем из преисподней истошно взревел, и машина, резко рванув с места и качнувшись на повороте, скрылась за углом.

Женщина обернулась.

– Я же говорил: надо было вам сразу спуститься, – буркнул Равич. – К чему смотреть на все это?

– Я не могла. Не могла уйти раньше его. Неужели не понимаете?

– Понимаю. Пойдемте. Выпейте еще.

– Нет.

Когда приехала полиция и санитары, Вебер включил свет. Теперь, без покойника, комната казалась просторнее и выше. Просторнее, выше, но все равно какой-то странно нежилой, словно мертвеца унесли, а сама смерть осталась.

– Останетесь в этой же гостинице? Ведь нет же?

– Нет.

– Знакомые у вас тут есть?

– Нет. Никого.

– А гостиница другая есть на примете?

– Нет.

– Тут поблизости есть гостиница, тоже небольшая, вроде этой. Но там чисто, и вообще порядочное заведение. Можно там что-нибудь для вас подыскать. Гостиница «Милан».

– А нельзя мне в ту гостиницу, где… Ну, в вашу?

– В «Интернасьональ»?

– Да… Я… там… словом, я ее уже немного знаю. Все-таки лучше, чем что-то совсем незнакомое…

– «Интернасьональ» не самое подходящее место для женщины, – заметил Равич. «Этого еще не хватало, – подумал он. К нему в гостиницу. – Что я ей – сиделка, что ли? А потом, уж не думает ли она, часом, что нас теперь что-то связывает? Бывает же». – Там всегда полно. И все сплошь беженцы. Нет, вам лучше в «Милан». А если там вам вдруг не понравится, переехать никогда не поздно.

Женщина вскинула на него глаза. Ему почудилось, будто она угадала его мысли, и на миг стало стыдно. Но лучше сейчас миг стыда, зато потом живи спокойно.

– Хорошо, – сказала женщина. – Вы правы.

Равич распорядился снести чемоданы вниз и вызвать такси. Гостиница «Милан» и впрямь была всего в нескольких минутах отсюда. Он снял номер и вместе с женщиной поднялся наверх. Комната была на третьем этаже: обои с розочками, кровать, шкаф, стол и два стула.

– Это вас устраивает? – спросил он.

– Да. Очень хорошо.

Равич смотрел на обои. Ужас, а не обои.

– По крайней мере светло, – заметил он. – Светло и чистенько.

– Да.

Внесли чемоданы.

– Ну, вот вы и на новом месте.

– Да. Спасибо. Спасибо большое.

Женщина уже сидела на кровати. Опять эта бледность, и опять на ней лица нет.

– Вам надо выпасться. Заснуть сможете?

– Попробую.

Равич достал из кармана алюминиевую трубочку и вытряхнул оттуда несколько таблеток.

– Вот вам снотворное. Запьете водой. Сейчас примете?

– Нет. Позже.

– Ладно. Мне пора. Через пару дней загляну вас проводить. Попытайтесь поскорее заснуть. На всякий случай вот адрес похоронной конторы. Но сами лучше туда не ходите.

Поберегите себя. Я к вам еще наведаюсь. – Равич замялся. – Как вас зовут?

– Маду. Жоан Маду.

– Жоан Маду. Хорошо. Я запомню. – Он знал, что ни черта не запомнит и проведать тоже не придет. И именно поэтому решил придать своим словам побольше достоверности. – Лучше уж запишу, – пробормотал он, вытаскивая из кармана блокнот с бланками для рецептов. – Вот. Может, сами напишете? Так проще будет.

Она взяла блокнот, написала имя и фамилию. Он взглянул на листок, вырвал его из блокнота и сунул в карман пальто.

– Лучше вам сразу лечь спать, – посоветовал он. – Как говорится, утро вечера мудренее. Присказка дурацкая и затасканная, но в вашем случае верная: все, что вам сейчас требуется, – это сон и немного времени. Какой-то срок, чтобы выстоять. Понимаете?

– Да. Я понимаю.

– Так что примите таблетки и ложитесь спать.

– Хорошо. Спасибо вам... Даже не знаю, что бы я без вас делала. Правда не знаю.

Она протянула ему руку. Ладонь была холодная, но пожатие оказалось неожиданно крепким. Вот и хорошо, подумал он. Уже какая-то решимость...

Равич вышел на улицу. Жадно глотнул влажного, теплого ветра. Машины, прохожие, первые шлюхи по углам – здешние, этих он не знает, – пивнушки, быстро, в воздухе смесь табачного дыма, выпивки и бензина – кипучая, переменчивая, стремительно несущаяся жизнь. Он обвел глазами фасады домов. Тут и там уже зажглись окна. В одном видна женщина, просто сидит и смотрит. Он выудил из кармана листок с именем, порвал и выбросил. Забыть. Слово-то какое... В нем и ужас, и утешение, и призрачные миражи... Не умея забывать – как прожить на свете? Но кто способен забыть до конца? Шлаки воспоминаний, раздирающие нам сердце. Свободен лишь тот, кому не для чего больше жить...

Он дошел до площади Звезды. Там толпился народ. Триумфальная арка тонула в сиянии прожекторов. Мощные столбы света выхватывали из тьмы могилу Неизвестного солдата. Над ней колыхалось на ветру огромное сине-бело-красное полотнище. Праздновали двадцатилетие перемирия 1918 года.

Небо насупилось, и на мглистой, рваной пелене облаков лучи прожекторов высвечивали зыбкую, дрожащую тень стяга. Казалось, полотнище гибнет, тонет в меркнущей пучине неба. Где-то надрывался военный оркестр. Завывали трубы, звенела медь. Никто не подпевал. Толпа стояла молча.

– Перемирие, – бормотала женщина рядом с Равичем. – С прошлой войны муж не вернулся. Теперь, выходит, сын на очереди. Перемирие... То ли еще будет...

4

Новый температурный листок над койкой был девственно чист. В нем значились только имя и адрес. Люсьена Мартинэ. Бют-Шомон, улица Клавеля.

Серое лицо девушки тонуло в подушках. Накануне вечером ее прооперировали. Равич тихонько прослушал сердце. Выпрямился.

– Лучше, – заметил он. – Переливание крови иногда творит чудеса. Если до завтра протянет, можно на что-то надеяться.

– Отлично, – пророкотал Вебер. – Мои поздравления. Вот уж не думал – дело-то совсем худо было. Пульс сто сорок, давление восемьдесят. Кофеин, корамин – еще бы немного, и того...

Равич пожал плечами:

– Не с чем поздравлять. Просто ее доставили чуть раньше, чем ту, прошлую. Ну, с цепочкой на ноге. Вот и все.

Он накрыл девушку.

– Уже второй случай за неделю. Если и дальше так пойдет, можете открывать

отдельную клинику для неудачных абортов в Бют-Шомон. Другая ведь тоже оттуда была, верно?

Вебер кивнул:

– Да, и тоже с улицы Клавеля. Вероятно, они знакомы и были у одной и той же повитухи. Ее даже привезли примерно в то же время, что и предыдущую, тоже к вечеру. Счастье еще, что я вас в гостинице застал. Я-то уж думал, вас опять не будет дома.

Равич поднял на него глаза.

– Когда живешь в гостинице, Вебер, вечерами, как правило, куда-нибудь уходишь. А уж в ноябре гостиничный номер и подавно не самое веселое место на свете.

– Могу себе представить. Но почему, собственно, вы в отеле живете?

– Так удобнее: живешь вроде как анонимно. Один – и все же не совсем один.

– И вам это нравится?

– Да.

– Но можно ведь и иначе устроиться. Снять небольшую квартирку где-нибудь, где вас никто не знает...

– Наверно... – Равич склонился над девушкой.

– Верно я говорю, Эжени? – спросил Вебер.

Медсестра вскинула голову.

– Господин Равич не станет этого делать, – холодно заметила она.

– Господин доктор Равич, Эжени, – одернул ее Вебер. – В Германии господин доктор был главным хирургом крупного госпиталя. Не то что я.

– Здесь, у нас... – начала было медсестра, воинственно поправляя очки.

Взмахом руки Вебер оборвал ее на полуслове.

– Знаем, знаем! Нам и без вас это известно. Здесь, у нас, государство не признает зарубежных аттестаций. Что само по себе полнейший бред! Но почему вдруг вы решили, что он не станет снимать квартиру?

– Господин Равич пропащий человек; у него никогда не будет ни семьи, ни домашнего очага.

– Что? – опешил Вебер. – Что вы такое несете?

– Для господина Равича нет ничего святого. Вот и весь сказ.

– Браво, – проронил Равич, все еще не отходя от больничной койки.

– Нет, вы такое слыхали? – Вебер все еще в изумлении пялился на свою медсестру.

– А вы лучше сами его спросите, доктор Вебер.

Равич расправился.

– В самую точку, Эжени. Но когда для человека нет ничего святого, у него появляются другие святыни, свои, более человеческие. Он начинает боготворить искру жизни, что теплится даже в дождевом черве, время от времени заставляя того выползать на свет. Не считите за намек.

– Вам меня не оскорбить! У вас нет веры! – Эжени решительно одернула халат на груди. – А у меня, слава Богу, моя вера всегда со мной!

Равич уже брал пальто.

– Вера легко обличается фанатизмом. Недаром во имя всех религий пролито столько крови. – Он улыбался, не скрывая насмешки. – Терпимость – дитя сомнений, Эжени. Не потому ли вы при всей вашей вере относитесь ко мне куда агрессивней, чем я, отпетый безбожник, отношусь к вам?

Вебер расхохотался.

– Что, Эжени, получили? Лучше не отвечайте. А то вам совсем худо придется.

– Мое достоинство женщины...

– Вот и хорошо, – оборвал ее Вебер. – Оставьте его при себе. Всегда пригодится. А мне пора. В кабинете еще поработать надо. Пойдемте, Равич. Всего хорошего, Эжени.

– Всего хорошего, доктор Вебер.

– Всего доброго, сестра Эжени, – попрощался Равич.

— Всего доброго, — через силу ответила медсестра, да и то лишь после того, как Вебер строго на нее глянул.

Кабинет Вебера был заставлен мебелью в стиле ампир — белой, с позолотой, на хлипких тоненьких ножках. Над письменным столом висели фотографии его дома и сада. У продольной стены стоял новомодный широкий шезлонг. Вебер в нем спал, когда оставался здесь на ночь. Как-никак клиника была его собственностью.

— Что будете пить, Равич? Коньяк или дюбонне?

— Кофе, если у вас еще найдется.

— Конечно.

Вебер поставил на стол электрокофеварку и включил в сеть. Потом снова обернулся к Равичу.

— Вы не подмените меня сегодня в «Осирисе»? После обеда?

— Само собой.

— Вас это правда не затруднит?

— Нисколько. У меня все равно никаких дел.

— Отлично. А то мне специально ради этого еще раз в город тащиться. Лучше поработаю в саду. Я бы Фошона попросил, но он в отпуске.

— О чем разговор, — бросил Равич. — Не в первый раз.

— Конечно. И все-таки...

— Какие там «все-таки» в наше время? По крайней мере для меня.

— И не говорите. Полный идиотизм. Человек с вашим-то опытом — и лишен права работать, вынужден оперировать нелегально...

— Помилуйте, Вебер. Это же не вчера началось. Все врачи, кто из Германии бежал, в таком положении.

— И тем не менее! Это просто смешно! Вы делаете за Дюрана сложнейшие операции, а он вашими руками делает себе имя.

— Это куда лучше, чем если бы он оперировал своими руками...

Вебер рассмеялся:

— Конечно, не мне об этом говорить. Вы ведь и за меня оперируете. Но я, в конце концов, главным образом гинеколог и на хирурга не учился.

Кофеварка засвистела. Вебер ее выключил, достал из шкафа чашки и разлил кофе.

— Одного я все-таки не пойму, Равич, — продолжал он. — С какой стати, в самом деле, вы живете в этом клоповнике, в «Интернасьонале»? Почему бы вам не снять себе жилье, допустим, в этих новых домах у Булонского леса? Мебель по дешевке всегда можно купить. У вас появится хоть что-то свое, и вы будете знать, на каком вы свете.

— Да, — задумчиво повторил Равич. — Буду знать, на каком я свете...

— Ну так в чем же дело?

Равич отхлебнул кофе. Кофе был горький и очень крепкий.

— Вебер, — вздохнул он. — Вы наглядный пример характерной болезни нашего времени: привычки мыслить, обходя острые углы. Только что вы возмущались тем, что я вынужден работать нелегально, и тут же спрашиваете, почему я не снимаю квартиру.

— Что-то я не пойму, а какая связь?

Равич нервно рассмеялся:

— Как только я сниму квартиру, мне надо будет зарегистрироваться в полиции. Для чего мне потребуется паспорт и виза.

— Точно. Я как-то не подумал. Ну а в гостинице?

— И в гостинице тоже. Но в Париже, слава Богу, еще есть гостиницы, где не особо за этим следят. — Равич плеснул себе в кофе немного коньяку. — «Интернасьональ» — одна из таких гостиниц. Потому я там и живу. Уж не знаю, как хозяйка это устраивает. Должно быть, у нее свои связи. А полиция либо не в курсе, либо ее подмазывают. Как бы там ни было, я уже довольно долго там живу, и никто меня не трогает.

Вебер откинулся в кресле.

— Равич, — озадаченно проговорил он, — я этого не знал. Я-то думал, вам только работать запрещено. Но это же чертовски неприятное положение.

— По сравнению с немецким концлагерем это сущий рай.

— А полиция? Если она все-таки заявится?

— Если поймают — две недели тюрьмы и выдворение за границу. Обычно в Швейцарию.

Если второй раз попадешься — полгода тюрьмы.

— Сколько?

— Полгода, — повторил Равич.

Вебер смотрел на него во все глаза.

— Но это же совершенно немыслимо. Это бесчеловечно.

— Я тоже так думал, пока на себе не испытал.

— То есть как? Вы хотите сказать, что с вами такое уже случалось?

— И не раз. Трижды, как и с сотнями других беженцев. Но это на первых порах, по неопытности, когда я еще свято верил в так называемую гуманность. Покуда не отправился в Испанию — туда, кстати, паспорт не требовался — и не получил второй урок практического гуманизма. От немецких и итальянских летчиков. Ну а после, когда снова сюда вернулся, я уже был стреляный воробей.

Вебер вскочил.

— Господи, — пробормотал он, что-то подсчитывая в уме. — Но тогда... тогда вы, выходит, больше года ни за что ни про что в тюрьме отсидели?

— Гораздо меньше. Всего два месяца.

— Как? Вы же сами сказали: в повторном случае полгода.

Равич улыбнулся:

— Когда опыт есть, повторного ареста можно избежать. Допустим, тебя выдворяют под одним именем, а возвращаешься ты под другим. Желательно через другой пограничный пункт. Тогда участь рецидивиста тебе уже не грозит. Поскольку никаких бумаг при нас все равно нету, доказать что-то можно, только если тебя узнают в лицо. Но такое случается редко. Равич — уже третья моя фамилия. Почти два года она служит мне верой и правдой. И пока все гладко. Похоже, везучая. С каждым днем она мне все больше нравится. А свою настоящую я уже почти забыл.

Вебер затряс головой.

— И это все за то, что вы не нацист.

— Конечно. У нацистов бумаги первый сорт. И визы на любой вкус.

— В хорошем же мире мы живем, нечего сказать. И правительство во всем этом участвует.

— У правительства несколько миллионов безработных, о которых оно обязано заботиться в первую очередь. И потом — вы думаете, только во Франции так? Всюду одно и то же. — Равич встал. — Всего хорошего, Вебер. Часа через два я еще раз взгляну на девчонку. И ночью зайду.

Вебер проводил его до двери.

— Послушайте, Равич, — сказал он. — Заглянули бы как-нибудь вечером к нам. На ужин.

— Обязательно. — Равич твердо знал, что не придет. — Как-нибудь на днях. До свидания, Вебер.

— До свидания, Равич. Нет, правда, приходите.

Равич отправился в ближайшее бистро. Сел у окна, чтобы смотреть на улицу. Он любил так вот посидеть, бездумно глазея на прохожих. Когда нечем заняться, лучше Парижа места нет.

Официант вытер столик и ждал.

— Перно, пожалуйста, — сказал Равич.

— С водой, сударь?

– Нет. Хотя погодите! – Равич на секунду задумался. – Не надо перно.

Что-то ему мешало, какой-то осадок в душе. Привкус горечи, надо срочно смыть. Сладковатая анизовка тут не годится.

– Кальвадос, – решил он наконец. – Двойной кальвадос.

– Хорошо, сударь.

Вебер его пригласил, вот в чем дело. Нотки сострадания в его голосе. Мол, дадим бедолаге возможность провести вечерок по-домашнему, в семейном кругу. Даже друзей французы редко приглашают к себе домой. Предпочитают встречаться в ресторанах. Он еще ни разу не был у Вебера в гостях. Хотя звал-то Вебер от чистого сердца, но тем горше пилиоля. От оскорбления еще можно защититься, от сострадания никак.

Он глотнул яблочной водки. Чего ради он стал объяснять Веберу, почему живет в «Интернасьонале»? Какая была в этом нужда? Вебер знал ровно столько, сколько ему положено знать. Что Равич не имеет права оперировать. Этого вполне достаточно. А что Вебер вопреки запрету все же его использует – это уж его дело. Он на этом зарабатывает и имеет возможность браться за операции, на которые сам ни за что бы не решился. Никто об этом не знает, кроме самого Вебера и его медсестры, а та будет держать язык за зубами. И у Дюрана так же было. Только церемоний больше. Тот оставался возле пациента, пока наркоз не подействует. И лишь после этого впускали Равича, дабы произвести операцию, которая самому Дюрану давно не по плечу – слишком стар, да и бездарен. А когда пациент приходил в себя, Дюран снова был тут как тут, в гордом ореоле хирурга-чудотворца. Равич самого пациента вообще не видел, только белую простыню и густо намазанную йодом полоску тела, открытую для операции. Зачастую он не знал даже, кого оперирует. Дюран просто сообщал ему диагноз, и он брался за скальпель. И платил Дюран гроши – раз в десять меньше, чем брал за операцию сам. Но Равич и не думал роптать. Это все равно куда лучше, чем не оперировать вовсе. А Вебер обходится с ним считай что по-товарищески. Платит ровно четверть. Благородный человек.

Равич смотрел в окно. Ну а что кроме? А кроме не так уж много и остается. Он жив, разве этого мало? И вовсе не рвется строить нечто прочное во времена, когда все так шатко и вот-вот начнет рушиться вновь. Лучше уж сплавляться по течению, чем тратить понапрасну силы, ведь силы – это единственное, чего не вернешь. Главное – выстоять, покуда не покажется спасительный берег. Чем меньше растратишь сил, тем лучше, ибо силы еще понадобятся. А с упорством муравья возводить посреди рушащегося столетия гнездышко мещанского счастья, – сколько уж таких гнездышек разорено у него на глазах. Подобный героизм и трогательен, и смешон, но главное – бесполезен. Только попусту себя выматывать. Лавину, если уж сорвалась, не остановишь, под ней только погибнуть можно. Лучше дождаться, пока сойдет, а потом откапывать и спасать кого можно. В дальний поход надо уходить с легким багажом. А уж спасаться бегством и подавно...

Равич взглянул на часы. Пора проведать Люсьену Мартинэ. А потом в «Осирис».

Девицы в «Осирисе» уже ждали. Их, правда, регулярно осматривал казенный врач, но хозяйка считала, что этого недостаточно. Чтобы в ее борделе кто-то подцепил дурную болезнь, – нет, такую роскошь она себе позволить не могла и поэтому заключила договор с частным гинекологом Вебером о дополнительном осмотре каждый четверг. Равич иногда Вебера подменял.

Одну из комнат на втором этаже хозяйка переоборудовала в настоящий смотровой кабинет. Она весьма гордилась тем, что в ее заведении вот уже больше года никто из посетителей ничего не подхватил; зато от самих клиентов, несмотря на все меры предосторожности, семнадцать девиц заразились.

Командующая парадом Роланда принесла ему бутылку бренди и стакан.

– По-моему, Марта не в порядке, – сообщила она.

– Хорошо. Осмотрим с пристрастием.

– Я уже вчера ее к работе не допустила. Она, конечно, отпирается. Но ее белье...

– Хорошо, Роланда.

Девицы в одних комбинашках входили в кабинет по очереди. Почти всех Равич уже знал, новеньких было только две.

– Меня можно не смотреть, доктор, – с порога объявила Леони, рыжая гасконка.

– Это почему же?

– Ни одного клиента за неделю.

– А что хозяйка на это скажет?

– Да ничего. Я для нее на одном шампанском сколько заработала. По семь бутылок за вечер. Троє купчишек из Тулузы. Женатики все. И каждый хочет, но перед другими стесняется. Каждый боится, что если со мной пойдет, остальные двое дома его заложат. Ну и давай напиваться, каждый надеялся других двоих перепить. – Леони хохотнула, лениво почесываясь. – Ну а тот, кто всех перепил, и сам потом подняться не мог.

– Отлично. И все равно я обязан тебя осмотреть.

– Да за милую душу, доктор. Сигаретки не найдется?

– Держи.

Равич взял мазок, проверил на реактив.

– Знаете, чего я никак не пойму? – спросила Леони, не спуская с Равича глаз.

– Чего?

– Как это у вас после таких дел все еще не пропала охота спать с женщинами?

– Я и сам не пойму. Так, ты в порядке. Кто там следующий?

– Марта.

Вошла Марта – бледная, худенькая блондинка. Личико с полотен Боттичелли и ангельские уста, всегда готовые уладить ваш слух отборным матом из подворотен улицы Блонделя.

– Со мной все хорошо, доктор.

– Вот и прекрасно. Сейчас посмотрим.

– Но со мной правда все хорошо.

– Тем лучше.

Тут в комнату вошла Роланда. Глянула на Марту. Та сразу замолкла. Только тревожно посматривала на Равича. Тот обследовал ее с особой тщательностью.

– Да чистенькая я, доктор. Вы же знаете, я всегда остерегаюсь.

Равич не отвечал. Девица продолжала болтать, время от времени испуганно замолкая.

Равич взял мазок и теперь его рассматривал.

– Ты больна, Марта, – изрек он наконец.

– Что? – Девица вскочила как ужаленная. – Быть не может!

– Еще как может.

С секунду она смотрела на него молча. И тут ее прорвало:

– Ну, сучий потрох! Кобель паскудный! Я сразу ему не поверила, хмырю болотному! А он заладил: я же студент, медик, уж я-то разбираюсь, ничего не будет, вот козел!

– Ты сама-то почему не береглась?

– Да береглась я, только уж больно наскоро все случилось, а он говорит, мол, я студент...

Равич кивнул. Старая песня: студент-медик, подцепил триппер, решил лечиться сам. Через две недели посчитал себя здоровым, анализы сдавать не стал.

– Это надолго, доктор?

– Месяца полтора. – Равич прекрасно знал: на самом деле дольше.

– Полтора месяца?! – Полтора месяца без заработка. А если еще и в больницу? – Мне что, в больницу теперь?

– Там видно будет. Может, потом будем на дому тебя лечить. Только если ты обещаешь...

– Обещаю! Все, что угодно, обещаю! Только не в больницу.

– Сначала обязательно в больницу. Иначе нельзя.

Марта смотрела на него с отчаянием. Больницы все проститутки боялись как огня.

Порядки там очень строгие. Но другого выхода нет. Оставь такую лечиться дома, и уже через день-другой, невзирая на все клятвы, она выйдет на заработки и начнет разносить заразу...

— Мадам заплатит за больницу, — сказал Равич.

— А сама я? Сама? Полтора месяца без заработка! А я только что воротник из чернобурки купила в рассрочку! Пропущу платеж, и всему хана!

Она заплакала.

— Пойдем, Марта, — сказала Роланда.

— И обратно вы меня не возьмете! Я знаю! — Марта всхлипывала все громче. — Вы меня не возьмете потом! Никогда никого не берете! Значит, мне одна дорога — на улицу... И все из-за кобеля этого шелудивого...

— Тебя возьмем. На тебя был хороший спрос. Клиентам ты нравилась.

— Правда? — Марта недоверчиво подняла глаза.

— Конечно. А теперь пошли.

Марта вышла вместе с Роландой. Равич смотрел ей вслед. Черта с два ее обратно возьмут. Мадам в таких делах рисковать не любит. Так что в лучшем случае Марту ждут теперь дешевые притоны на улице Блонделя. Потом просто улица. Потом кокаин, больница, место продавщицы в табачном или цветочном киоске. Или, если повезет, какой-нибудь сутенер, который будет ее поколачивать, вволю попользуется, а уж потом вышвырнет.

Столовая гостиницы «Интернасьональ» располагалась в полуподвале. Поэтому постояльцы без обиняков называли ее «катакомбами». Летом, правда, скучные лучи света еще как-то пробивались сюда сквозь толстые матовые стекла под потолком — эти окна-щели выходили во двор; зимой же электричество не выключали даже днем. Помещение служило одновременно курительной, канцелярией, гостиной, залом собраний, а также убежищем для беспаспортных эмигрантов — когда являлась с проверкой полиция, они могли отсюда двором пробраться в гараж, а уж из гаража смыться на соседнюю улицу.

Равич сидел сейчас с Борисом Морозовым, швейцаром ночного клуба «Шехерезада», в том углу «катакомбы», который хозяйка гордо именовала пальмовым садом, ибо здесь в майоликовой кадке на раковинном столике доживала свой худосочный век одна чахлая пальма. Морозов вот уже пятнадцать лет жил в Париже. Беженец еще со времен Первой мировой, он был одним из немногих русских, кто не бахвалился службой в царской гвардии и не рассказывал небылицы о своем знатном происхождении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QiWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.